

ПРОБЛЕМА ВАРИАНТА И ПСИХОЛОГИЯ УСТНОГО ТВОРЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЛОКАЛЬНОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

Н. К. МИТРОПОЛЬСКАЯ

Изучение многовариантности сказочных сюжетов, идейно-тематических и характерологических различий, стилевых и исполнительских особенностей в традиционном фольклоре, то есть всей полноты современной устно-поэтической традиции, приводит к интересным наблюдениям в области психологии народного творчества. Возможность для такой постановки вопроса у нас появилась в связи с исследованием больших экспедиционных материалов — записей 1960—1973 гг. традиционного фольклора у русского старожильского населения Литовской ССР¹.

Современные записи фольклора на русском языке ведутся большей частью по следам собирателей XIX—XX веков. Традиционный же фольклор русских старожилов в Литве только теперь перестает быть «белым пятном» на фольклорно-этнографической карте. Его многожанровые образцы нашли уже частичную публикацию и описание².

Кроме песен, баллад, частушек, загадок, пословиц, преданий и заговоров особенно значительно здесь собрание сказок³: около тысячи

¹ Экспедиционные материалы, собранные во время фольклорной практики студентов Вильнюсского государственного университета им. В. Капсукаса, и личные записи автора хранятся в Архиве фольклорных текстов при кафедре русской литературы. Помимо собрания многожанрового традиционного фольклора здесь имеются немногочисленные записи рассказов и песен об Отечественной войне 1941—1945 годов, частушки и народные переделки литературных песен советских поэтов и несколько местных вариантов революционных песен. См. Н. Митропольская. Русские революционные песни в новых записях. Тезисы Юбилейной межвузовской научной конференции. Ученые записки Высших учебных заведений Литовской ССР. — „Literatūra“, XI (2), «Минтис», Вильнюс, 1965.

² Сведения о бытовании русского фольклора в Литве см. в заметке «Собиратели фольклора» в газете «Советская Литва» 1960, № 182 и в статьях Н. Митропольской «Новые записи сказок «О царе Салтане» и «О мертвой царевне» в Ученых записках Высших учебных заведений Литовской ССР». — „Literatūra“, XI (2), «Минтис», Вильнюс, 1969; «Новые записи загадок и фольклорная традиция в русских поселениях на территории Литовской ССР»; там же, т. XIV (2), 1974 и «Новые записи русских песен и сказок в Литве (Итоги фольклорных экспедиций 1972 г.)» в том же изд., т. XV (2), 1974.

³ См. Русский фольклор в Литве. Исследование и публикация Н. К. Митропольской. Изд. Вильнюсского госуниверситета им. В. Капсукаса, Вильнюс, 1974. В дальнейшем сокращенно: РФ в Л. и первый раздел в сб.: Русский традиционный фольклор Прибалтики. Институт этнографии АН СССР (в печати). В дальнейшем сокращенно: РФПр.

сказок, воспроизводящих в едином тексте или в различных контаминациях 420 сюжетов, из которых 366 зафиксированы в общерусской традиции по Указателю Аарне-Андреева⁴, а 43 — представляют собой сюжеты, дополняющие наши знания о русской сказке или заимствованные из фольклора соседних народов. В местной традиции жива и поныне устная форма восприятия и передачи фольклорных произведений, что определило многовариантность записей большинства сюжетов. В наши дни такое богатство сказочной традиции необычно не только по сравнению со среднерусскими областями, но и с прославленными районами бытования сказки на Севере⁵. Собранные материалы русского фольклора в Литве обогащают наше представление о фольклорном наследии, дают образцы художественно ценных сказок из не обследованного ранее района.

Впервые вводимые в науку записи сказок русского старожильского населения Литовской ССР — ценный источник изучения бытования этого жанра в специфических условиях жизни сказочников среди коренного населения республики и для исследования других межнациональных контактов⁶. Именно единство национального и международного содержания, сложившееся в результате длившегося веками стремления сохранить свое родное поэтическое и языковое богатство и вобрать близкое и интересное у постоянно контактирующих между собой разных национальностей, составляет специфику местной сказки.

Межнациональные отношения русского фольклора, записанного на территории Литовской ССР, берут свои истоки в соединении русской сказочной традиции, белорусских сказок, исполнявшихся на русском языке сказочниками — белорусами по происхождению, а также полубившихся сюжетов и мотивов польских и литовских произведений сказочной прозы. Процесс этот вторичный по отношению к исторически складывающимся межнациональным связям и единению, характерным для населения восточных и некоторых центральных районов Литовской ССР, в особенности населения Зарасайского, Игналинского, Ионавского, Рокишского, Аникшайского и Швенченского районов. Происходящая

⁴ Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, в дальнейшем сокращенно АА. Международный указатель А — Th. A. — S. Thompson. The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography, Helsinki, 1961.

⁵ Например, характеристика современного состояния фольклора в Калужской области, которую дают Е. Г. Круглов, А. В. Кулагина, Е. И. Токарева: «Сказочная проза представлена небольшим количеством записей, и это отражает объективную картину ее бытования». См. «Вестник Московского университета», филологическая серия, М., 1968 № 1. При изучении записей на Летнем берегу Белого моря (1968 г.) к близким выводам пришла Н. И. Савушкина: «сказку заменили легенды, предания, былички». См. Результаты экспедиции 1969 года. Русский фольклор, т. XIII, Л., 1972.

⁶ Этнографические сведения и характеристику сказителей см. Н. К. Митропольская. Современное состояние русской фольклорной традиции в Литве (по записям 1960—1973 гг.). В сб.: Русский фольклор в Литве, Вильнюс, 1974.

консолидация фольклорных ценностей связана с длительными объединительными этническими процессами, усиливающимися или иногда ослабляющимися, в связи с историческими событиями, изменениями административных границ и т. п.

Социально-исторические обстоятельства были здесь весьма динамичными и сопровождались различными политическими и национально-культурно-просветительскими ориентирами в жизни русского старожильского населения, древнейшая часть которого относится еще к периоду борьбы с расколом в русской церкви, к периоду преследования старообрядчества.

Сегодня для носителей традиционного русского фольклора, проживающих на территории Литовской ССР, в условиях интернационального развития социалистических наций, когда в республике происходит расширение границ распространения литовского языка в общественно-производственных отношениях, в сфере просвещения и культуры, в семейно-бытовой жизни, значительно увеличивается возможность полифольклорности в устном репертуаре. Одновременно отмечается и усилившийся интерес к своему национальному художественному наследию — к архаичной и законсервировавшейся здесь сказке, к свадебной песне.

Современное бытование того или иного национального фольклора в условиях иноязычного окружения и межнациональных контактов как научная проблема в последнее время все больше начинает занимать внимание исследователей народного творчества в разных странах в связи с описанием местного репертуара или особенностей бытующего жанра⁷. В этих работах говорится о роли двуязычия и многоязычия. Учитывая языковые возможности населения местностей с пестрым этническим составом, следует главное внимание уделять полифольклорности репертуара отдельных сказочников или всей локальной традиции, развивающейся в условиях межнациональных контактов. Именно так обстоит дело с русским фольклором, записанным в Литве. Практически

⁷ См. статьи: Р. Богомольная. Русский фольклор в Молдавии. Региональное совещание по молдавско-русско-украинским языковым, литературным и фольклорным связям. Кишинев, 1963; ее же. Русская народная проза в Молдавии. В сб.: Прозаические жанры фольклора народов СССР. Тезисы докладов. Минск, 1974. Л. Г. Бараг. О взаимодействии русской и нерусской сказочной традиции в современных условиях.— В сб.: Современный русский фольклор. М., 1966; его же. Взаимодействие русской сказочной традиции с местными традициями неславянских народов СССР.— В кн.: Эпические жанры устного народного творчества. Уфа, 1969; его же. Межнациональные отношения прозаических жанров фольклора народов СССР.— В сб.: Прозаические жанры фольклора народов СССР. Тезисы докладов. Минск, 1974.

Из зарубежных исследователей ср. М. Матичетов (Югославия) о фольклоре словенцев, живущих в изолированной альпийской долине на территории Италии (Краткое изложение докладов на VI Международном конгрессе славистов.— В кн.: Русский фольклор, т. XII; Я. Йеха. (Чехословакия). О двуязычном репертуаре сказочников польской Силезии. В журнале «Lud», Вроцлав, 1963 и другие

отдельный сказочник, от которого записаны литовская сказка «Ель — королева ужей» А-Th 425М Вильнюсский 1969-1-66 или «Барин и еж»⁸ А-Th 293х-РФ в Л 115; может и не владеть языком другой национальной традиции, но он воспринял ее от исполнителей-передатчиков, которые усвоили литовские сказки в устной передаче или из книги. Бесспорно в большинстве случаев билингвизм является основой фольклорного репертуара.

Испытывая в живом бытовании взаимодействие многонациональных фольклорных традиций (русской, белорусской, литовской и польской) старинная сказка, исполняемая на русском языке, приобрела, помимо идейно-типологической международной общности, еще и свои локальные черты. Межнациональные исполнительские связи, накладывая свой отпечаток на своеобразие местных сказок, прослеживаются не только в пределах отдельных районов со сложным этническим составом, но и среди родственников одной семьи. Некоторые русские исполнители пели песни, загадывали загадки и на литовском, и на русском языках. Но все сказки в соответствии с их исполнением записаны в нашем собрании на русском языке. Язык начальной школы для пожилых местных русских жителей в свое время не раз менялся, хотя большинство сказочников — неграмотные или имеют 3—4 класса начального образования. Поэтому выявленное в единичных, правда, случаях тесное родство с книжным источником обращало наше внимание на так называемые «копеечные» издания отдельных сказок из 47 белорусских сказок, переведенных на польский язык и литературно обработанных А. Глинским в его многократно издававшемся сборнике «Bajarz polski»⁹.

В изучении исконно русских сказок, хотя опять-таки в редких случаях, встает вопрос о связи местной традиции в некоторых сюжетах¹⁰ (на более отдаленных этапах исполнительства) с русскими лубочными картинками и народными книгами, а также с рукописной старообрядческой практикой и старопечатной литературой, культ которой сохранился в бывших местных старообрядческих слободах.

⁸ В литовском фольклоре чаще рассказывается как докучная сказка. См. Lietuvių tautosaka, Lietuvos TSR Mokslų Akademija, Lietuvių kalbos ir literatūros institutas, Vilnius, „Mintis“, 1965, III, с. 291 и 181.

⁹ А. J. Glin ski. Bajarz polski. Warszawa. Последн. изд., 1938. 1-ое изд. в 1853 г. — 8 изд. в 1907 г. осуществлены были в Вильно, одновременно предпринимались серийные переиздания по типу: сказка-книжка.

Источник сказок — Новогрудский район Минской губернии. Оценку сборника см. J. Bolte und I. Polivka. Anmerkungen zu den Kindermärchen der Brüder Grimm. Bd V, Leipzig, 1932, с. 155; А. Р. Волков, А. Ю. Глинский и его Сборник «Польский сказочник». В кн.: Ученые записки Черновицкого университета, т. XIV, вып. 2, 1955, с. 167—186.

¹⁰ Так, среди 6 вариантов сказки АА 875 Семилетка¹ имеется сказка из Аникшяйского района (см. РФ в Л 41) — устная переработка мотивов близкой к фольклору древнерусской повести о Петре и Февронии. Об этом подробнее — в наших комментариях к сборнику «Русский фольклор в Литве», Вильнюс, 1974.

Весьма показательны цифровые характеристики изученных сказок, которые говорят о широкой исполнительской среде, о сказительских привязанностях и сюжетном избрании. Соотношение сохранившихся в местной традиции сюжетов (включая их контаминации) с общерусской систематизацией сказок в указателе АА показывает, что местные исполнители ценят, помнят и берегут традиционную сказку: они сохранили, как отмечалось выше, 366 сюжетов.

Сопоставление по отдельным группам также обнаруживает сохранность местных сказок. Из 78 сюжетов сказок о животных, отмеченных в активном бытовании у АА, в записях 1960—1973 гг. на территории Литовской ССР на русском языке зафиксировано в устном исполнении 39 сюжетов и 9 новых, не предусмотренных в Указателе. Местной традиции известны 102 из 203 сюжетов волшебной сказки. Этот раздел дополняется 21 новым сюжетом в местных записях. Менее известны здесь легендарные сказки: сохранилась только одна треть из общерусского состава (20 из 67 сюжетов) и бытует четыре новых сюжетных образования, не отмеченных в указателе АА. По остальным группам сказок указатель АА включает 463 сюжета, в местном рукописном собрании находится 202 сюжета и 23, не введенных в систематизацию русской сказки.

Если учесть, что сюжетный состав местного репертуара определяется не единичными исполнителями и не единственными вариантами, а, напротив, каждый сюжет подчас известен многим сказочникам, в самостоятельном или контаминированном виде, то общая картина локальной традиции будет еще очевиднее: зафиксированные у нас сюжеты сказок о животных представлены в составе 131 варианта, а волшебные сюжеты — в составе 393 вариантов, легендарные — в составе 48 вариантов; сюжеты, относящиеся к другим группам, охвачены 558 вариантами. Общий итог местного собрания сказок в современных записях составляет 420 сюжетов (включая в это число и неизвестные АА сюжетные образования), представленных в 1460 вариантах¹¹. Под вариантом в сказочном творчестве при рассмотрении сохранности сюжетов мы понимаем материализацию того или иного сказочного типа или подтипа в отдельной целостной сказке и в контаминации. Поэтому число сюжетных вариантов больше общего количества отдельных сказок, записанных в данной традиции. Всего здесь записано около тысячи сказок, из них 223 опубликованы нами в названных выше сборниках.

Для характеристики традиционного фольклора с точки зрения его проявления в локальной традиции показательным сопоставление с современными записями из других районов. Наиболее тесная близость в рамках наших исследований обнаружена с северно-русской сказочной

¹¹ См. Общий указатель сюжетов и вариантов сказок, записанных от русских старожилов в Литве на с. 137.

традицией. Хронологическая и территориальная разнохарактерность записей вносит свои коррективы, поэтому остановимся сначала лишь на одном, наиболее близком по содержанию фольклорном районе, сказки которого представлены в современных записях в более или менее однотипных условиях бытования. Речь идет о недавно опубликованном сборнике «Сказки Терского берега Белого моря»¹², в котором изданы или описаны материалы пяти экспедиций 1957—1964 годов, а также отдельные записи 1947 г.) на Терское побережье, где сказочный репертуар русских поселенцев вообрал в себя некоторые мотивы и сюжеты из сказочной традиции карелов и саамов, а главное, характеризуется сохранностью и разнообразием. При цифровом сопоставлении опираемся на описание 247 терских сказок (включая былички), 161 из которых опубликована.

В сборнике Терского берега сохранено приблизительно 26% русских сказок о животных по указателю АА — двадцать сюжетов, три из них дополняют классический сборник сказок Афанасьева¹³. В сравнении с нашими записями, сборник Терского берега, сохранив наполовину меньше сюжетов, имеет в своем составе пять отсутствующих у нас сказок: АА 15 *Лиса-повитуха*, АА56-А *Лиса и дрозд* (у нас записана сказка 56-С *Лиса грозит съест птенцов дрозда*), АА 60 *Лиса и журавль*, *61-1 *Лиса-исповедница* и АА 170 *За скалочку-гусочку*, но утратил, по сравнению с нашими записями, 24 сюжета.

Дело не только в объеме сказочного репертуара в группе сказок о животных в двух современных фольклорных традициях, но и в том, что сопоставление обнаруживает закономерность в исчезновении в современном зафиксированном сказочном репертуаре таких сказок, как АА*254 *Ерш Ершович*¹⁴, 244-1 *Журавль и цапля*¹⁵, *275 *Лиса и рак*, *297 *Война грибов*. Видимо, для современного исполнителя эти сказки слишком тесно связаны с детской литературой и с басенной книжной культурой. Наши записи так же как и сборник Терского берега подтверждают исчезновение из современного репертуара таких сказок, как АА *106 *Волк и свинья*, АА 125 *Напуганные волки*, АА 152 *Мужик, медведь, лиса и слепень*, 210 *Верлиока*, 248-А *Собака и дятел*, 220*В *Суд над вороной*, распространенные в сборниках XIX и начала XX веков.

Таким образом, большая часть зафиксированных у нас сюжетов сказок о животных совпадает с типами русской традиции и ее характеристиками, предложенными в Указателе АА, но при этом значительно от-

¹² Сказки Терского берега Белого моря. Издание подготовил Д. М. Балашов. Л., 1970. Сокращенно — Сб. Терского берега.

¹³ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3-х томах, ГИХЛ, М., 1957. В дальнейшем сокращенно — Аф.

¹⁴ В единичных современных записях эта сказка встречается. См. В. В. Митрофанова. Народная сказка о Ерше и рукописная повесть. РФ, т. 13, с. 166.

¹⁵ Ср. только Аф. 72.

личается по отдельным вариантам. Ценность варианта кроется и в выборе самого сюжета, и в его изменении. Свое живое содержание локальная традиция как раз реализует при всей стабильности идейно-сюжетной основы, в этих конкретных отличиях от модели сюжета за счет своих социально-психологических, бытовых, этнографических черт, за счет своего исполнительского лица.

Не все сюжеты одинаково популярны. В десяти-пятнадцати вариантах здесь записаны сказки АА 212 *Коза луплена*, АА 103 *Кот, нагоняющий страх на диких животных*, АА 1 *Лиса крадет рыбу с воза*, *61-II *Кот, петух и лиса*, АА 2 *Волк у проруби*, АА 130 *Зимовье зверей* и другие. В нескольких вариантах записаны интересные сказки, сравнительно редко встречающиеся даже в старых публикациях: *161 *Медведь-липовая нога*¹⁶, АА 41 *Лиса и волк в амбаре*¹⁷, АА 62 *Мир у зверей*¹⁸, АА 30-1 *Лиса завлекла волка в капкан*¹⁹, АА 55 *Звери устраивают дороги*²⁰ и др. Не только знание сюжета, сохранность образов диких и домашних животных, картины их взаимоотношений между собой и человеком характеризуют яркость сказок данной группы в местных записях. Само исполнение (оно лишь отчасти сохранено расшифровкой магнитофонных записей) оживляло сказку и вызывало к активному проявлению поэтические приемы и средства выразительности, свойственные фольклорной поэтике. В этом убеждает сопоставление на уровне сюжетных и стилевых параллелей. Тексты сохраняют диалоги, разнообразные песенки, выразительные имена героев, часто имеющие характерологическую функцию, достигают большого лаконизма за счет употребления звукоподражательных и изобразительных междометий, остроты деталей, мобилизуя диалектную выразительность лексики, смысловую нагрузку аллитераций²¹.

Архаические мотивировки часто по вариантам заменяются житейскими, бытовыми. Этот процесс характерен и для бытования сказки в XIX веке. Местная запись сохранила архаичную мотивировку в сказке АА *161: «Захотелось раз старухе мяса медвежьего попробовать.—Старик, а старик! Сходил бы ты в лес, убил бы медведя, а мне мяса медвежьего принес бы,— просит она старика. Вот какая вредная старуха была!» РФ в Л 2 и ср. «Захотелось старухе медвежьего мяса. Вот старик пошел искать...» Никифоров 38; «Однажды баба захотела мяса. Денег нет,

¹⁶ В сб.: Северно-русские сказки в записях А. И. Никифорова (в дальнейшем сокращенно — Никифоров) М.—Л., 1961. Имеются три записи, опубликован вариант — № 38.

¹⁷ Отсутствует в сборниках Аф., у Никифорова, в сб. Терского берега.

¹⁸ Аф. 31, А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества, вып. I—II. Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. XLIV, Пгр. 1917, 674. Сокращенно — Смирнов.

¹⁹ У Аф., Никифорова, в сб. Терского берега — отсутствует.

²⁰ У Аф. и в современных сборниках — отсутствует.

²¹ При сопоставлении вариантов ссылки на рукописные и опубликованные тексты даются с указанием района и коллекции хранения или № публикации в сборниках РФ в Л и РФПР.

ничего нет. За что купить себе мяса?» (далее, как и в предыдущих, посылает старика в лес за пищей). РФПр 95;— «Не имели чего исць, взял дед корзинку и пошел в лес. Видит медведь лежит на суках и спит». Варенский 1971-21-55; «Однажды баба сказала деду:— Сходи в лес, принеси чего-нибудь поесть, или ягод или грибов. Пошел дед в лес, слышит — храпит кто-то. Подошел ближе — видит медведь лежит». Вильнюсский 1969-2-141. Ср. у Аф. 57: «Детей у них не было. Старуха и говорит старику:— Старик, сходи по дрова. Попал навстречу медведь. Старик, давай бороться. Отсек топором лапу.— Вари, старуха медвежью лапу».

Житейская же практика умножала и разнообразила вещный мир, вводимый в сказку о животных, увеличивала сказочные возможности за счет бытовизации и психологизации: «Баба радовалась, что и мясо будет и рукавички теплые будут». Варенский 1971-21-55 или психологизация и обстановочные детали при раскрытии мотива возмездия «Рассвирипел медведь, оглядел всю избу. А у деда была длинная борода и торчала из-под печки. Увидал он ее и вытащил деда и съел, потом — бабку». Вильнюсский 1969-2-141; «Слышат старики, кто-то ревет. Дед успокоил, что это ветер. А медведь подошел к воротам и завуял, подошел к двери, взял за клямку, открыл дверь... Вытянул горшок с мясом и выбрал свою культю и приложил к себе, все и зажило. Тогда взял медведь бабу и деда, потряс их как следует, и сам вышел. А старики остались голодными» Варенский 1971-21-55, или «Глядит, сидит старуха у прялки, медвежью шерсть прядет. Сидит она на медвежьей коже да медвежье мясо ест...— Ох ты, окаянная! Мое мясо ешь, на моей коже сидишь, мою шерсть прядешь! Образи же и ты медвежьей шерстью!— закричал медведь и убежал в лес». РФ в Л 2.

Сохранение рифмованных песенных вставок определяется сюжетной необходимостью и отличается большой изобретательностью. Последняя иногда проявляется и в новом функциональном значении в структуре сказки. Так, в сказке РФПр 95 шестистрочная песенка волка повторяется у каждого окна избушки и вызывает все более слабеющие реплики засыпающего деда, подчеркивая этим беззащитность старухи. В разнообразных вариантах (сказка записана в двух версиях) сказки АА*61-II *Кот, петух и лиса* в типичных формулах и бытовых вариациях («Дай головку почешу», «Пусти лапки погреть», «Я старая, не слышу, слезь и спой мне», «Я вокруг изобки обойду и обратно в окошечко положу» и др.) песенки животных выступают со значением побудительности, увещательности, предупредительности и т. п. И в этом сюжете встречаются у нас распространенные в сказках о животных песни-имитации: лиса подлаживается под голос и песенку самого котика: «Петик-светик, открой, я котя-бротя пришел, тебе зернышки принес». Аникицкий 1967-4-28.

Порой песенка опускается совсем, так как с помощью звуковых повторов и эпитета уже создан образ хитрой, вкрадчивой и опасной лисы: «А лисица его чутьем чует. Подошла тихо к окошку и зовет». Аникшийский 1967-2-10.

В редких вариантах песни пересказываются с сохранением привычной образности, но и тогда не теряют своей определенной интонационности, которая «объясняется» при этом самой исполнительницей: «— Эх ты, петушок,— говорит,— масляна головушка, шелкова бородушка, прикрой окошко и спой песенку. И вот она его манила и он прикрыл. Она его цап! и потащила». Зарасайский 1972-9-16. В местной традиции сказок о животных наблюдается также вариативность исполнительских тенденций. По вариантам происходит смещение художественных акцентов: внимание от обстановочных деталей, местных черт переносится на «авторскую» оценку или осмысление происходящего в пределах фольклорной заданности сюжета и функций героев. Несколько примеров: «— Спрячь меня,— говорит волк,— а то охотники за мной гонятся... залез в мешок. Избежал волк этой судьбы-смертушки!» РФ в Л 13; или просто волк спасается в мехе у деда от охотников (или от стрельцов) РФПр 100; дед нанял «плачку», и она по-разному голосит по его бабке: «Пришла лисичка и голосит:— Ах ты, бабка моя, какая ласкова была и т. д.» РФ в Л 8; «пришли домой, а лисица и начала:— Ах ты, бабка моя, ты рано вставала, блинчики пекла, меня кормила...» РФ в Л 9. В одних вариантах — новые черты вещного мира: «Коток влез к петушку, петушка отвязал. А ён был привязанный к жерновам, горох молот. Петушка отвязал. Они там попили, погуляли, все посьели и домой ушли». РФ в Л 16, в других — горестная констанция: «А лиса его — хватъ, голову откусила и унесла. Котик не отборонил его». Аникшийский 1967-4-28.

Смысловое и функциональное единство в структурной модели не могут определить и сделать единообразным живой ритм устной сказки, ее интонации, ее дополнительные эмоциональные оттенки, в вариативности которых — проявление возможностей народного творчества, отражение многообразия исполнительской психологии и темперамента, индивидуальности сказочника. Две разные индивидуальности выступают из исполнения одной и той же ситуации: «Послала лиса лисенка посмотреть, кто так хорошо поет. Вышел лисенок из норки, а котик поймал его в торбочку и опять скрипит». РФ в Л 15. и ср. «Вот она и говорит, лиса:— Катринка, Катринка, сходи, позови музыканта, так музыкант красиво играет! Вот Катринка только с норки скок! А ён побоинкой в голову — в лоб! Шильцем по бок, голову под колодку и лежит. Обратно играет». РФ в Л 16. С дополнительным, доверительным обращением к слушателям: «А лиса, детки мои, всегда была хитрой, так и говорит она волку:— Иди в деревню, там найдешь корову. Мне нужна ее кожа». Вильнюсский 1969-1-119, АА 102 или с плавной, размеренной повествовательной

интонацией: «Вот, наконец, волк и спрашивает.— Когда же, лиса, шуба готова будет? А лиса и говорит:— Сегодня к вечеру шуба готова будет, надо только на обводы шерсти. Пойди к людскому огороду, там лошадь стоит. Ты зарежь ее, и принеси хвост и гриву на обводы». РФ в Л 3.

Для многих местных исполнителей характерен особый слух на слово, бережное отношение к семантико-слуховым образам: «Я — мышка-пошурышка»; «А лису-то называл он ^{ид} лиса, а Сахарина, ... Приходит волк второй раз:— Сахарина, Сахарина, прошу на бал». РФ в Л 12; «Коза-Лихачка засела в моем домку»,— жалуется заяц. Аникшийский 1967-2-40.

Характерной стилиевой чертой является подчеркнутое сохранение уменьшительно-ласкательной или пренебрежительной суффиксальной определительности: «Как бежит коток, земля дрожит, слезки капаят, песочком засыпаются. Лисищу убил, в сумку положил. И пошли обратно». Зарасайский 1972—16, а также замена описаний действия, события их звуковой, динамичной обозначенностью с помощью изобразительных междометий: «Котофеич лезет кубыль-кубыль по сукам»; «Дед как вскочил, ножом его вот так цап! по животу и высыпался — и дед, и баба, и внучка, и дочка-желтоволоска, тпрунька-брунька кобылка-воронка, сучка-бобровка — и все, все». РФ в Л 22. АА *162; «Лежит лисичка-се-стричка, лежит как мертвая, а конь: фырь-фырь!— Пик-пик кнутком мужик, лисичку взял да в сани». РФ в Л 7 и многие другие.

Особые проявления психологии устного творчества можно обнаружить в волшебной сказке, которая составляет архаичный сюжетный пласт в местной традиции. Исполнители сохраняют интерес к мифологическим существам и фантастическим действиям, художественному вымыслу и гиперболизации физических и нравственных качеств человека, к эмоциональным воздействиям сказочного представления о природе и о человеке. Психологическая атмосфера творческой жизни сказки предопределяет стабильность уже накопленного и обобщенного коллективным творчеством в пределах того или иного сюжета. Поэтому общие черты русской сказочной традиции полностью сохраняются в сюжете местного репертуара. Здесь представлены любимые в русском фольклоре волшебные сказки о героях-змееборцах, о героях необычной силы и сноровки; сюжеты с мотивами превращений и встреч с мифологическими существами, в которых интерес сосредоточен на фантастике обстоятельств и всемогуществе героя, и сюжеты, согреты социальные сочувствием к полюбившимся персонажам, в которых волшебный вымысел имеет характерологическую функцию. Известны здесь также сказки, интерес к которым основывается на беспредельной эмоции удивления и восхищения делом рук человеческих: АА 560 *Волшебное кольцо*; АА 563 и 564 *Чудесные дары*, АА 565 *Чудесная мельница*; АА 575 *Деревянный*

орел; АА 592 *Чудесная скрипка*; АА 513-В *Летучий корабль* и многие другие.

В местных записях сказки о змееборстве разнообразны по сюжетам: АА 300-А, 300-хВ, 301-А, 301-В, 301-С, 303, 304, х312-1. Они обнаруживают наибольшую близость к северно-русским сказкам в современной записи, имеют также близкие белорусские и украинские параллели. Объединяя мотивы из родственных сюжетов, эти сказки сохраняют перед описанием боя со змеем на Калиновом мосту сюжетообразующую формулу предопределенного победителя: «— Сюда даже имени Семилетнего богатыря ворон в яйцо не занесет.— А я сам приехал с тобой помериться». Зарасайский 1972-22-2 или: «Есть на свете Кошка-Тимошка, но ворон и костей его сюда не занесет.— Не ворон сюда кости приносит, а добрый молодец сам сюда тропляется». Игналинский 1970-В-У. Описание протяженности и прерывности боя как степень его трудности и важности победы: «— Стой, стой, змей проклятый, дай поправиться! Отцы наши за землю воевали, и то поправлялись. Выкопался Кошка-Тимошка и еще три головы плеточкой снял». Игналинский 1970-8-У. Ср. Никифоров 66: «Наши русские богатыри с отдыхом дерутся», или Никифоров 51: «Начали возиться и бороться. И так это чудовище его вертит, на аршин в землю втыкает. Через час любовну передышку делает и снова бороться начинает». После описания победы героя в наших записях также сохраняется общая функциональная роль и архаический мотив подслушанного «совета змей»: «Один змей говорит:— Будет жара большая. Стану колодцем. Напьются воды, и погибнут»... «А я буду огненной рекой и одними воротами. Там буду сам стоять и цепь держать. Ни верхом не пройдет, ни низом», а далее — дождем, морозом, но герой всех змей уничтожает плеточкой и расправляется, заманивая в кузницу. Близкое образное решение см. Никифоров 36: «Третья невестка (жена змея), обернись колодцем и золотой почерпушкой. Дорога дальня, он захочет пить, почерпнет и умрет» и др.

Сопоставление вариантов хорошо сохранившихся сказок о змееборстве выявляет идейно-структурный комплекс мотивов и образов, единых для восточнославянской сказки²². Однако отдельные варианты являются примерами усвоения белорусской традиции: дополнительное исследование устанавливает, например, близость нашей записи РФ в Л 83 к белорусскому варианту. Возможен и книжный посредник — названный выше сборник Глинского, его сказка № 13. Их объединяет сохраненное имя героя — Незгинок, сюжетная контаминация: АА 301-С, 301-В, 327-В, 531-А, хотя стилизовое решение сказки — иное.

²² О цельности восточнославянского сюжетного репертуара см. Л. Бараг. *Беларуская казка. Пытанні вывучэння яе нацыянальнай самабытнасці параўнальна з іншымі, ўсходнеславянскімі казкамі*. Мінск, 1969; Н. В. Новиков. *Образы восточнославянской волшебной сказки*. Л., 1973.

Выработанные традиционной сказочной поэтикой принципы и приемы в развитии сюжета, конфликта и самой фантастики претворяются в каждом варианте в ракурсе своего особого исполнительского контекста, особой ситуативности конкретного творческого акта, создавшего данный вариант. Внимание современных местных исполнителей, от которых записаны художественно полноценные варианты, направлено на воспроизведение самого чуда художественного вымысла сказки, ее фантастичности. Соединение разных источников местной традиции в данной группе сказок можно проиллюстрировать на многообразии фигуры противника героя в сказках о трех царствах АА 301-А и АА 301-В: «Вылезает маленький человек, сам с ноготок, а бородка с локоток — это был чорт». РФПр 101; «Старый старичок — сам с ноготок, бородка с локоток, несет сена таку вязанку, что всем быкам зараз подать» РФПр 102; «Вдруг зашумел ветер, и прилетел человек. Сам он был маленький, а борода длинная». Утенский 1972-1-5; «Вдруг шум, треск, свист. Посмотрел в окошко и увидел старика: на голове стог сена, а в руках большой чан воды, а сам с ноготь». Игналинский 1970-81-У; «Пришел хозяин: Пузырь такой, в два вершка, с длинной бородой». Аникщайский 1967-2-1-А; «Заходит с большой нагайкой, вот такая борода, главный самый чорт». Аникщайский 1972—17; «Страшная баба», дорогу к ней указал Краснолюдок, и баба-Рагана (номинативный литуанизм: рагана — ведьма) РФ в Л—32 и 83; «Дедок, сам маленький, а борода на сажень по полу тянется». РФ в Л 31.

Воздействие элементов белорусской, польской и литовской традиции ярко обнаруживается в сказках о матери и падчерице, что придает, вместе с исконно русскими версиями и подтипами, особое разнообразие по вариантам²³.

Единый художественный мир русской волшебной сказки пополняется в местной традиции неизвестными, по другим записям, или очень редкими сюжетами. Это показатель для характеристики современного состояния русской фольклорной традиции в Литве, если учесть, что сюжет является основной эстетической категорией в сказке. К таким редчайшим (по определению В. Я. Проппа) русским сказкам относится сюжет *313—II *Ведьма и солнцева сестра*. Его единственный вариант Аф. 93 (пересказ той же сказки — Смирнов 324) в современных записях отсутствует. В местном собрании сюжет контаминируется с эпизодами и мотивами сказки АА 351 Конек-Горбунок. Здесь интересна попытка реализовать и развернуть именную семантику. Центральный сюжетный эпизод

²³ См. наши комментарии к местным сказкам в сборнике РФ в Л. О специфике литовских сказок — D. Pataš S. Sauka. Tautosakos savitumas ir vertė. „Vaga“, Vilnius, 1970 и библиография по сюжетам — J. Balys. Lietuvių pasakojamosios tautosakos katalogas. Kaunas, 1936. Польские варианты систематизированы в кн. Julian Krzyżanowski. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. T. II, Polska Akademia Nauk, 1963 и т. I (1,2) Warszawa, 1947.

дан через реализацию метафоричности и семантики основного сюжета: «поехали по белу свету, подъехали и увидели избушку на курьей ножке, а в той избушке сидело солнце; солнце увидело коня и обратило его в уголь». Игналинский 1970-1-195. Ср. Аф. 93: «Подскакал Иван-царевич к теремам Солнцевой сестры и закричал: Солнце, солнце! Отвори оконце! Солнцева сестрица отворила окно, и царевич вскочил в него вместе с конем». (Далее Солнцева сестра не выдает ведьме героя). Редкими для русского фольклора являются местные варианты сказок АА 333^хВ *Глиняный Иванушка*²⁴, АА 880^хВ *Царица-Гусляр*²⁵, АА^х894 *Кто лучший друг человека*²⁶, АА 442 *Царевич-дерево*²⁷, АА 441 *Сын-еж*²⁸, АА 407 *Девушка-цветок*²⁹, АА 314 *Чудесное бегство: в бегстве помогает лошадь, оказавшаяся заколдованным юношей*³⁰, АА 361 *Неумойка*³¹, АА 981^х *Почему перестали убивать стариков*³² и др.

Популярность и разнообразие местных вариантов названных выше и некоторых других сюжетов можно объяснить не только законсервированностью и хорошей сохранностью в русских селах Литвы национального фольклора, но и воздействием белорусской устной традиции, в которой эти сюжеты распространены. Однако в местной традиции они отнюдь не восходят к конкретному белорусскому тексту, а некоторые многовариантно представленные в записях параллели включают несколько версий. Творческий процесс воспроизведения сюжета АА 981^х, как показывает сопоставление шести наших вариантов, опирается на знание двух его различных версий, с различным подключением завершающих сюжет мотивов: в первой версии отец обладает знанием, как достать хитро подвешенный жбан (золотой кувшин) и обогатиться³³ (единственный аналог в русских записях — текст от сказочницы А. Н. Корольковой, — который объединяет 981^х и мотивы сюжета 875, РНС, стр. 288—290); во второй

²⁴ Никифоров 17, 63 (№ 11 «Про глиняну девушку») и краткие — 113, 187, 128, 229 (№ 124); Сб. Терского берега. 99 (№ 72); Сказка и песни Вологодской области. Сост. С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Вологда, 1955, № 4 («Пыхтилка») и наш вариант Вильнюсский 1969-1-75.

²⁵ Единственный вариант — Аф. 338 и наша запись Молетский 1965-3.

²⁶ См. Н. Е. Ончуков. Северные сказки. «Записки Русского географического общества по этнографии», т. XXXIII, СПб., 1905, 186 и еще два варианта в записях XIX века. Наш текст — Игналинский 1962—103.

²⁷ Наша запись — Зарасайский 1972—4—2. Другие русские варианты неизвестны.

²⁸ В русских вариантах неизвестно. Наша запись дала три варианта. См. Общ. указатель сюжетов.

²⁹ Аф. 363, Ончуков 278; наши записи: Аникщайский 1967-4-46 и Аникщайский 1971-7-Д.

³⁰ Известно два русских варианта. В наших записях — Аникщайский 1971—13.

³¹ Аф. 278, Сказки М. М. Коргуева, Петрозаводск, 1939, 23. В наших записях три варианта.

³² В русском фольклоре известны два варианта — Ончуков 186 и РНС-288. РНС — Русские народные сказки. Составитель и отв. ред. Э. В. Померанцева. Изд. «Наука», М., 1969.

³³ РНС 288. Наши варианты: Аникщайский 1967-Ю, Аникщайский 1971-3-Ю.

версии его чудесное знание заключается в необыкновенном выращивании урожая, в умении слышать растущую пшеницу ³⁴,

Различные по своему происхождению источники соединились и развились в местном русском репертуаре. Многовариантные записи свидетельствуют о сложном единстве русской фольклорной традиции на территории Литовской ССР. Сюжеты, записанные в двух и более (вплоть до шестнадцати) вариантах, составляют больше половины всех записей — 60%. Наиболее популярны здесь сказки АА 480*С *Падчерица в лесной избушке*, АА 511 *Одноглазка, Двухглазка, Трехглазка*, АА 530 А *Сивко-Бурко* и АА 1164 *Злая жена в яме*. Каждый из этих четырех сюжетов записан в шестнадцати вариантах. Сюжеты АА 103, 212, 480-В, 480-А, 707, *1361, 1539, 706, 735, 831, 922, 1539, 1600-А записаны в десяти-пятнадцати вариантах. Характерно, что многовариантно записаны и некоторые сюжеты, восходящие к инонациональным традициям: «Песня Рея» — в девяти вариантах, «Одноглазый музыкант и танцующие черти» — в пяти вариантах и др.

Популярность или, напротив, непопулярность некоторых сюжетов подчас труднообъяснима. В противоречие с общей закономерностью, характерной и для местной традиции в ее современном состоянии, развивать содержание сатирических антибарских (антипанских) сказок и создавать новые сюжеты названной идейной направленности, здесь только в одном варианте записана сказка АА 715 *Петух и жерновки* ³⁵, довольно широко известная в русском, белорусском и литовском фольклоре. В одном варианте записаны легендарные сказки, за исключением сравнительно популярных АА 751 П *Бог в гостях* (5 разноместных вариантов), АА 780 *Чудесная дудочка* (6 вариантов) и АА 831 *Жадный поп* (10 вариантов). Однако последний сюжет привлек к себе внимание не легендарным мотивом, а гротеском и сатирой в адрес попа.

Среди бытовых и сатирических сказок имеются также многовариантные записи, восполняющие пробелы в собирании. Редко на русском языке записывалась из-за острого антибарского содержания популярная в народе сказка *2014-1 *Хорошо да худо*. Наши варианты из Аниксыйского, Игналинского районов представляют собой полный рифмованный текст сказки ³⁶. Представленные в русских сборниках небольшим числом записей сказки АА 1165* *Баба хуже чорта*, 1430-А *Мечты о счастье* и др., имеются в местном репертуаре, к тому же они сохраняют характерный для этих международных сюжетов признак: различие по персонажам и

³⁴ Ончуков 186. Наши варианты: РФ в Л 84, Рокишкский 1966-5-381, Игналинский 1968-1-134. Вильнюсский 1969-2-167.

³⁵ Ср. в современных записях Сб. Терского берега 124 (№ 93); Никифоров 13, 151, 190, 4, 167, 182, 205; РНС с. 210 (с заменой персонажа).

³⁶ Ср. Аф. 412, 414—416; Ончуков 52 и др. Из новых записей только Никифоров № 30, наши варианты: РФПр 125, РФ в Л 162.

деталей³⁷. С творческим интересом воспринята сказочниками белорусская сказка «Три ксендза»³⁸. Хотя все перечисленные выше сюжеты распространены в контактирующей белорусской фольклорной традиции, в местных записях, при многовариантности остальных сюжетов, они содержатся в одном варианте.

С большой выдумкой и фантазией рассказываются местными сказочниками антипоповские и антибарские сказки (темы эти постоянны в современной традиции в различных районах бытования русского фольклора, популярны и в белорусском современном репертуаре³⁹), а также веселые анекдотические сказки, среди которых есть редко записываемые сюжеты⁴⁰.

Разнообразные и богато представленные в местном русском сказочном репертуаре сюжеты, в том числе и редкие для русской традиции, дали основу творческому процессу контаминирования. Во всем собрании отмечено лишь четыре случая механического соединения сюжетов без смысловой мотивированности (с точки зрения особой сказочной логичности поступков и характеров) и художественной целостности единой структуры сказки. Всего же 136 сказок являются контаминациями, что составляет 14% местного записанного репертуара.

Наряду с большим количеством новых контаминаций в области традиционной сказки, здесь наблюдается традиционность самих сказок, контаминирующих одни и те же сюжеты. К таким контаминациям относится сказка, объединяющая сюжеты с одним общим героем — АА 303 и АА 300*В. Игналинский 1970-8-У. Подобная контаминация характерна для восточнославянской сказки, встречается в русском, белорусском, украинском фольклоре с различиями в отдельных мотивах. Исполнительская преемственность свойственна и другим контаминациям: АА 650-А, 301-В (популярна в старых и новых записях), *314-1, 315-А (сравнительно часто: Аф. 201, 202, из других современных записей — сб. Терского берега 195 и др.), 510 А, 511 (два наши варианта Ср. Ончуков 129) и др.

Идейная задача контаминации определяет степень полноты в подаче объединяемых сюжетов: стремление дать предысторию самого героя или

³⁷ Первый сюжет из новых записей имеется только у Никифорова № 16 и в описи — 162; второй сюжет представлен своеобразным вариантом от сказочницы Корольковой А. Н. — РНС, с. 311. Соответственно наши варианты: Аникшийский 1967-2-13 и Аникшийский 1967-18-Ю.

³⁸ Наша запись из Игналинского района — РФ в Л 133. См. белорусскую сказку «О том, как ксендзы вылечились» — А. К. Сержпутовский. Сказки и рассказы белорусов-полешуков. Пб, 1911, с. 64.

³⁹ См. К. П. Кабашнікоў. Нарысы па беларускаму фальклору. Мінск. 1963; Л. Бараг. Беларуская казка. Мінск, 1969.

⁴⁰ Сошлемся на сюжет АА *1665 Дедушка-школьник, известный до сих пор только в двух вариантах: Смирнов 269 и № 19 в сборнике «Народные сказки, легенды, предания и были, записанные на русском языке в Башкирии в 1960—1966 гг.» Вступит. статья и примечания Л. Г. Барага. Уфа, 1969.

провести его через многие функционально однотипные ситуации ⁴¹, или найти в контаминировании искомую завершенность судьбы героя. Память и идейно-эмоциональные устремления исполнителя чутко подсказывают наиболее целесообразную полноту родственных по функциональной и характерологической содержательности эпизодов, нужных для художественного единства. Иными словами, контаминация находит для себя единое структурное целое. Например, сказка, записанная в Ионавском районе, включает сюжеты АА 400-А, 465-С, 466, объединенные героем и сквозным мотивом: «непроданный сон сбывается», Ионавский 1969-12-21. В контаминации АА*921-1-А и 1538 — РФ в Л 135 сюжет о том, «куда тратятся деньги» и сюжет «мужик мстит барину» объединены общей социальной эмоцией: ненавистью к помещику, в связи с чем и в первой части сказки героем делается скупой помещик (ср. обычно проезжающий царь спрашивает у крестьянина, куда тратятся крестьянские доходы — РФ в Л 104, Молетский 1965-8, Молетский 1965-1-3 и др.): «Вот однажды и говорит: в одно окно мне подают и подают, а со второго я все выбрасываю да выбрасываю. Сын женился, а прибыль пришла домой. А дочке помещик выдал большое приданое — полгосударства». Из дальнейшего содержания местного варианта видно, что в центре становится не мудрый крестьянин с его иносказаниями, а образ скупого помещика: «А сам был такой жадный, плохой, так всех работников не любил, бил их. И дочка, и род его весь был жадный». То есть первый сюжет подготавливает социальную мотивированность расправы над помещиком, а общечеловеческий план иносказательных рассуждений о том, куда тратятся деньги, перекликается с оформлением концовки всей сказки, претендующей на всеобщность: «проучил весь род, всему народу стало жить хорошо». Социально активизируется сказочное повествование и действие и в контаминации АА 951-В и 981*, один из вариантов которой волей царя превращает мудрого старика в министра, и они вместе «утверждают манифест, чтоб все старики жили столько, сколько указано с высшего». — Вильнюсский 1969-2-167. Исполнительская преемственность охватывает еще более популярные здесь сказки — контаминации 1084, 1049 А и др.

Устное возобновление контекста у различных исполнителей всегда вызывает проявление разных сторон их жизненного опыта, склада ума и общей эмоциональной настроенности. У хороших сказочников при этом оберегается сложившийся канон жанрового стиля, сохраняются усилия

⁴¹ М. Эдмонсон в кн. «Введение в науку о фольклоре и литературе» считает такой способ объединения в сказке более механическим, так как повествование построено по типу: первое вызывает последующее. См М. Ed m o n s o n. Lore. An introduction to the science of folklore and literature. New York. 1971, XV (глава «Пралитература»). Думается, что способ не подменяет исходного принципа контаминирования.

«собирающего автора»⁴². Одновременно происходит изменение в сказке и в ее стиле. Известным «детерминирующим» фактором этого развития являются социальные сдвиги, рост классового сознания и исторические изменения в национальной жизни, культуре и языке.

Сопоставительный анализ местных и общерусских вариантов обнаруживает в современной традиции варьирование образно-стилевой, речевой конкретности. Архаичность, диалектизмы, образность и лексика, заимствованные от соседних народов, придают сказке особое звучание. Носителем этой специфичности опять-таки является вариант.

Дескрипция всех местных вариантов с точки зрения стилового своеобразия дает интересный фактический материал о современной жизни сказки. Наряду с рассмотренными выше сказками о животных в этом отношении особенно показательны волшебные сказки.

В стиле местных сказок, как правило, отсутствует модернизация образов и деталей, которая обычно приводит к разрушению волшебного поэтического мира.

Лишь в нескольких вариантах встречаем ряд деталей, разрушающих стиль сказки: рентген обнаруживает волшебное кольцо; под веселую гармонь пляшет и милиционер; водолаз обнаруживает водяное страшилище, которое держит на одной руке остановленный корабль и требует выкупа.

В местных вариантах проявляются те же закономерности в развитии стиля, которые известны еще по записям XIX века: при сохранении волшебного сюжета происходит бытовизация исходных ситуаций. Иногда это просто неумение сразу войти в сказочный мир, чаще — «в самой задумке» облика героев. Вводится также дополнительная мотивированность во взаимоотношения героев, происходит соблюдение, а в ряде случаев и нарушение чувства меры в детализации, реалиях, в окружении героев вещным миром. Быт, его осмысление составляли большую часть поэтической материи любой волшебной сказки и по старым записям. Научной аксиомой стало положение о том, что народная сказка пропитана мироощущением и бытовой практикой крестьянина. В современных записях процесс бытовой детализации, предметности повествования, расширения вещных деталей при обозначении волшебных действий героев — не признак разложения стиля, а неотъемлемая его черта.

Детализация в местных сказках часто сохраняет ценные социально-исторические реалии из жизни крестьянского старожильческого населения: «Раз отправился бедняк бурлачить»; «Было двенадцать пошехон-

⁴² Выражение Л. Н. Толстого. О литературе. ГИХЛ. М. 1959, с. 601 (Из письма к Е. А. Телешовой от 28 мая 1909 г.).

цев, все они плотники. Ходили по свету»; «Сирота надела на ноги деревенские и пошла за водой»; «Они подошли к егойной коляске, помещика, шапки сняли, целовали руку. Ну, вот, говорят, решите наш спор... Чим легче прожить: или кривдой, или правдой». Аникшяйский 1964-20-58 Д; «мужик жил бедно:—Сходи к монахам, им нужен рабочий человек»; сиротка, схоронив мачеху и злую сестру, «взяла себе примаку, поженилась, и остались жить они, хозяева остались»; «косоручка идет, не знает где. И тут небольшой хутор недалеко» и многие другие. Конкретизация местными реалиями, имеющими историко-этнографические аналогии, не нарушает сказочной формы, а представляет пример ее развития. Вещный мир входит в сравнения: «шел, шел, приходит, а там камни, как пять сараев, то люди заклятые». Зарасайский 1968-16-360; заменяет социальную определенность в характеристике: «—Эх, брат, сам знаешь, к тебе приедут в шубах, в сапогах, а я в лаптях, да в кафтане». Швенченский П-7-1.

Бытовая реализация сказочной фантастики, если она не разрушает ее поэзии, придает стилю поэтическую свежесть и новизну, как всякий творческий процесс сопровождается созданием новых ценностей — интересных вариантов: сиротка обращается к морозу — «Мороз, мороз. Не господь ли тебя принес! Скинь мне валеночки и шубку»...; «А королевичу и горя мало, расстелил скатерь-самобранку, перстень-самосвет ему светит. Он сидит и угощается». Игналинский 1970-15-1; летят гуси, герой дважды обращается к ним в рифмованной песенке с просьбой унести его от Бабы Яги. Гуси сбрасывают ему по перышку и далее: «обторкался он перьями и полетел. А змея вдогонку как подскочит и об землю!»— Игналинский 1968-1-142; «...Красивый был парень. Глаза у него были синие, как летнее небо, а кудри светлые, как лен, и сильный был он, и крепок был он, как молодой дуб». Вильнюсский 1969-2-102.

«Естественно-эмоциональный фольклорный реализм»⁴³ определяет и реальную бытовизацию при создании образов чудесных помощников. В их описание входит непосредственное наблюдение явлений окружающей действительности: «Молодой человек с большой лопатой ровняет горки земли...— Да землю ровняю, а то здесь горушка, а там — болото... третий молодой человек большие камни ланцугом в кучу стягивает». Аникшяйский 1967-2-1-А.

В новых записях сказок, особенно сатирических, ярко выступает еще одна роль вещной детали. Она несет комический эффект не соединенных вместе впечатлений, несоответствия действий, в результате чего создается смех добродушного или уничтожительного характера. Комическое в сказках особенно существенно важно для необходимого кон-

⁴³ См. Вас. Базанов. От фольклора к народной книге. Л., 1973, с. 168.

такта со слушателем. Присутствие комизма в сказке — одно из свидетельств сохранения устной традиции.

В записях местной сказочной прозы можно выделить варианты, отличающиеся размеренностью, частым соблюдением поэтических формул, внутренней рифмовкой и стилевой парности. Но, сохраняя традиционную поэтику, волшебные сказки в местном современном исполнении часто обнаруживают по вариантам свой стилевой ритм. Он создается благодаря своеобразному развитию той же традиционной поэтики: чудесные предметы, волшебные помощники те же самые, но в их описании присутствует авторская «нетерпеливость», свое чутье на художественный образ: «Моя дочка в золоте светит» или «И стоит перед нею царевич весь златом изукрашенный». Игналинский 1970-1-184; «Забормотало море, и взялася рыбка на крючок». Зарасайский 1960-1-1; «Прискакал домой, а кольцо горит на пальце, всю избу заливают пламенем». Зарасайский 1972-29-2 и др.

С другой стороны, встречаются варианты, которые характеризуются перебоями сказочного стиля, отрывочностью, наметкой лишь опорных действий. Или, наоборот, повествование настолько расширяется деталями, авторскими пояснениями, что выходит за пределы своего жанра, превращается в авторскую повествовательную форму. Приведем два примера, когда исполнителю потребовалось расширять повествование из-за неверия в логику художественной случайности и традиционности: «Царевич спрашивает:— Кто эту яблоньку сажал? Мачеха тогда говорит:— У нас тут пастушка есть, дурочка одна. Вышла Маша, плохо одетая, а мачеха еще ее оборвала, оборвала, чтобы думали, будто она придурковатая.— Вот, говорит,— одежду на себе рвет». Игналинский 1962-4-66. Или: «На третий день... подходит вечер, идет мачехова дочка, смеется, в ладошки хлопает, радуется:— Видела, видела!— коровка-буренка ей помогала». Вильнюсский 1969-10-114. Дополнительные мотивировки и разъяснения нарушают структурную обязательность, усиливают аморфность повествования.

Стилистическая сказочная обрядность реализуется в вариантах в разной степени стабильности и творческого развития. Сохраняются формулы, как характерная черта сказочной обрядности, имеющие в то же время по вариантам живую изменчивость: «началась буря, вынесла их на берег. Кругом густой лес стоит. Пуща-дремуща, ни пройти, ни проехать, ни птице пролететь». Зарасайский 1968-7-11. Другой пример в концовке: «Я там был, мед пил, но мне не попадало, по губам только тернули. И стали жить-поживать». Зарасайский 1971-17-11. Или формула заклинания: «Девушка и говорит: «Плат мой синий, подними меня выше лесу, кто мой будет муж, тот найдет меня на Сионской горе». Зарасайский 1968-16-286. Или опять в концовке, но с дополнительным комическим смыслом: «И был там пир, и я там был, мед пиво

пил, по усам текло, в рот не попало. Дали мне борону — с горы тянул, под косогор шырманул; дали помелу — я побег по селу». Аникшийский 1968-7-11 и многие другие.

В поэтике местных записей волшебной сказки, так же как и сказки о животных, ярко проявляется искусство звука и движения, умение передать темп движения: «Подскакал конь к башне, взвился под самый ее верх, а Иван схватил царевнено кольцо и усакал». Зарасайский 1972-29-2; или «Опять Грохот катится к дверям, и стучит, и гремит:— Девчонка, девчонка, открой мне дверь». Зарасайский 1965-2-8; или «Лиса метнулась к бабе Яге, начала ее коготками царапать. Насилу баба Яга выдралась». Рокишкский 1966-5-359.

Чутье к слову-образу определяет сохранение в местной традиции цветовой (оценочной) выделительности предметов; красные сёла — на пути героев; «Машенька, дай мне на красной ложечке каши» (просит мышка) — Рокишкский 1966-5-383; белый конь помогает героям; белый ветер одаривает бедняка торбочкой (— Скажешь: раскатись, развернись! Всего, чего хочешь будет пить и исть»). Вильнюсский 1970-16-1; «Жил-был сиротка Иван, не имел он ни отца, ни матери, служил он у барина, заслужил там он белого коня. Поехал он по белу свету. Скакал, скакал и нашел перо белое». Игналинский 1970-1-195; многочисленные примеры с эпитетом «золотой»: золотая яблоня, золотое яблоко, золотое платье, города златоглавые; «привези жеребца — грива серебряная, хвост золотой». Цветовые эпитеты создают впечатление усиления качества в местных записях сказок о трех царствах, в сказках о чудесном бегстве, в эпизодах о добывании чудесного помощника («Конь гнедой гривы», «конь серебряной гривы», «конь золотой гривы» и т. д.) включают оценочные контрасты: белый бычок-спаситель, черный ястреб, угрожающий герою.

Следовательно, с точки зрения сюжетики и стиля русская сказка в местных записях сохраняет свое художественное лицо, представляя собой определенный, усложненный контактными влияниями, этап в развитии общерусской сказочной прозы.

Психологический процесс удержания в памяти сказки и одновременного проявления в ней избирательного творческого интереса поддерживается сохранением богатой устной речевой народной культуры и общефольклорной традиции. Обращение к каждому варианту позволяет конкретнее и доказательнее представить все многообразие изменений, приобретений и утрат в жизни сказки.

*Вильнюсский государственный университет
им. В. Капсукаса*

Июнь, 1974

ZODINĖS KŪRYBOS PSICHOLOGIJOS IR VARIANTŲ PROBLEMA LOKALINĖS TRADICIJOS SĄLYGOMIS

N. MITROPOLSKAJA

Re z i u m ė

Per kasmetines ekspedicijas į Zarasų, Ignalinos, Anykščių, Jonavos, Rokiškio ir kitus rajonus buvo užrašyti reikšmingi sakytinės liaudies kūrybos pavyzdžiai, gyvuojantys rusų senbuvų tarpe (dainavo ar sekė pasakas rusų kalba 1928 rusų ir 22 lenkų, lietuvių bei baltarusių tautybės atlikėjai).

Rusų tautosakos Lietuvoje savitumą nulėmė senbuvų gyvenimas, izoliuotas nuo pagrindinės rusų tautos masės, ir nuolatiniai kontaktai su respublikos gyventojais. Čia tautosaka yra rūpestingai išsaugota, archaishka, įvairių žanrų sakytiniams kūriniams būdinga meninė pilnatvė bei kaimyninių tautų folkloro įtaka. Egzistuojant gyvai tautosakinei tradicijai, buvo galima užrašyti retas kalendorines-apeigines, vestuvines, gausias bei gerai išlikusias meilės ir kareivių dainas, balades, kurios kitose rusų tautosakos egzistavimo vietose jau yra išnykusios, taip pat įvairias patarles ar mįsles. Užrašytos pasakos pasižymi daugiasiužetiškumu (užrašyta 180 pasakinių siužetų ir 1420 variantų, kuriuos pateikė 172 sekėjai). Būdinga, kad kai kurios lietuvių (Apie poną ir eželį — A—T 293* ir kt.) ir lenkų (Krasnoliudkų dovanos — jK 504 ir kt.) pasakos įtraukiamos į rusų repertuarą.

THE PROBLEM OF A VARIANT AND PSYCHOLOGY OF FOLK VERBAL CREATION UNDER CONDITIONS OF LOCAL TRADITION

N. K. MITROPOLSKAYA

S u m m a r y

The yearly expeditions to the Zarasai, Ignalina, Anykščiai, Jonava, Rokiškis and other districts of the Lithuanian S.S.R. made it possible to record some valuable folk — lose samples among the Russian old — resident population (1928 singers and narrators are Russians while 22, whose songs and narratives were performed in Russian, are Polish, Lithuanians or Byelorussians).

The originality of the Russian folk — lore in Lithuania is determined by the existence of the old — resident Russian population isolated from the bulk of the Russian nation as well as by constant contacts of the former

with the main population of the Republic. The pieces recorded are characterised by a good preservation, archaic features, artistic completeness of the verbal compositions of different genres and by the acquisition of the folk — lore values of the neighbouring peoples. The presence of a living folk — lore tradition in the above districts made it possible to record rare pieces of calendar — ritual and raptial songs as well as numerous well — preserved love songs, popular soldier songs that have vanished at many places of occurrence of the Russian folk ballad. Besides, many varied proverbs and riddles have been recorded. The popular tales recorded are found to be multi — plot ones (180 tale — plots and 1420 variants performed by 172 narrators have been recorded). The including of some Lithuanian and Polish plots in the Russian repertory is considered to be another characteristic feature of the tales.